

Юрий ЯКОВЛЕВ

Память

После урока в пустом классе сидела черноголовая девочка и рисовала. Она подперла щеку кулачком, от чего один глаз превратился в щелочку, и старательно водила кисточкой по листу бумаги. Время от времени девочка отправляла кисточку в рот, и на губах виднелись следы всех красок ее небогатой палитры. За этим занятием ее и застала завуч Антонина Ивановна.

— Тебя оставили после уроков? — спросила строгая наставница, и в пустом классе ее голос прозвучал гулко и раскатисто.

— Нет, — отозвалась девочка и нехотя встала. — Я рисую.

— Почему не идешь домой?

— У меня скоро кружок. — Девочка по привычке отправила кисточку в рот. — Я хожу в танцевальный.

Антонина Ивановна собралась было уходить, но девочка остановила ее неожиданным вопросом:

— Вы Лиду помните?

— Какую Лиду? — Мало ли на своем веку завуч знавала Лид вроде этой черноголовой. — Какую Лиду?

— Лиду Демеш.

— Из какого класса? — почти механически спросила завуч.

— Она не из класса, — ответила девочка. — Она из Орши.

Слова «из Орши» почему-то заставили Антонину Ивановну задержаться. Учительница опустила на краешек парты, задумалась.

— Она спала на минах, помните?

— На минах?

— Она спала на минах. Одна в холодной сараюшке. Мины могли взорваться. Вы приходили к Лиде за минами. Помните?

Черноголовая как бы взяла за руку пожилую учительницу и привела ее в покосившийся сарай с крышей из ржавого, отслужившего железа. Дверь открывалась со скрипом. Внутри было темно, пахло дровами и прелью. А в дальнем углу стояла койка на кривых ножках.

— Вспомнила, — с облегчением сказала Антонина Ивановна, и ее голос прозвучал задумчиво, приглушенно, словно донесся из Лидиной сараюшки. Мины лежали под койкой в грудке битого кирпича.

— Верно, — подтвердила девочка.

Со стороны разговор завуча и девочки выглядел очень странно.

Девочка вспоминала то, чего она в силу своего возраста не могла помнить, и как бы задавала учительнице наводящие вопросы.

— А помните, как Лида торговала яйцами?

— Какими яйцами?

Антонина Ивановна слегка покраснела — уж слишком много получалось наводящих вопросов.

— Обыкновенными яйцами, — пояснила девочка. — Лида выносила на станцию полную корзину. А вы в это время подкладывали под состав мину.

— Верно! Немцы бежали от вагонов к Лиде, совали ей засаленные марки, а я делала свое дело... Что ты еще помнишь о Лиде?

Антонина Ивановна и не заметила, как вместо «знаешь» сказала «помнишь». На какое-то мгновение ей показалось, что обо всем, что в годы войны происходило в Орше, она впервые узнаёт со слов своей ученицы. И оттого, что маленькая ученица так уверенно ориентируется в ее военном прошлом, пожилая учительница почувствовала себя защищенной от разрушительной силы забвенья. Теперь она настойчиво прокладывала

дорогу в свое прошлое, благо в этом трудном занятии у нее оказалась прекрасная помощница.

— Что ты еще помнишь о Лиде?

— Накануне праздников Лида всегда стирала свой пионерский галстук. Она же не носила его?

— Не носила. Но стирка галстука напоминала ей мирное время.

Хотя мыло было на вес золота.

— На вес золота? Мыло? — удивилась черноголовая и тут же продолжала свой рассказ: — Однажды Лиду застал полицей.

— Она мне об этом не рассказывала, — нерешительно сказала завуч.

— Застал, — уверенно повторила девочка. — Но Лида не растерялась выплеснула воду на кирпичи. Красный галстук слился с кирпичами.

В это время дверь отворилась, и в класс, очень невысоко от пола, просунулась стриженная голова. Тонкий голосок, заикаясь, произнес:

— Вв-вас директор зз-зовет!

Голова исчезла. Антонина Ивановна, однако, не спешила уходить.

— Ты откуда знаешь про Лиду? — спросила она.

— Знаю. — Девочка внимательно смотрела на завуча, при этом облизывала кисточку. — Я и про вас знаю... Юная партизанка Тоня Кулакова...

— Тоня Кулакова, — подтвердила Антонина Ивановна и посмотрела на свою маленькую собеседницу как бы издалека. — Я ведь тоже была девчонкой. На два года старше Лиды.

— Лида все время толкалась на станции. Среди фашистов. Считала вагоны. Заглядывала внутрь. И записывала.

— А я доставляла записочки партизанам.

Теперь разговор строгой наставницы и ученицы напоминал встречу двух бывалых людей, когда один помогает вспоминать другому, и две человеческие памяти сливаются в одну.

— Лида не только хранила мины, она собирала их, — говорила девочка. Она была ловкой и осторожной. Ни одна мина не взорвалась в ее руках.

— Мина не взорвалась, — подтвердила Антонина Ивановна и опустила голову, — но Лида погибла...

Две собеседницы замолчали, как бы сделали привал на своем трудном пути. Первой заговорила девочка:

— Дедушка говорит, что все равно от чего погибать — от мины или от пули.

— Это верно, — согласилась Антонина Ивановна, — вопрос — кому погибать.

Теперь девочка опустила голову. Она как бы затерялась на далеких сложных перекрестках прошлого и напряженно искала верную дорогу. На мгновение она утратила уверенность. Кому погибать? Как ответить на этот бесконечно трудный вопрос? Тем более что погибнуть должна была Тоня, Антонина Ивановна.

Вместо привала наступил самый трудный участок пути. Девочка вдруг подняла глаза на учительницу и, как бы рассуждая сама с собой, заговорила:

— Лида спала на минах и приносила на станцию яйца... в корзине. И передавала вам записочки для партизан. Но на этот раз вы не пришли...

— Я не пришла! В том-то и дело!

— Вы не пришли, и Лида сама понесла записочку к партизанам.

И попала в засаду...

В класс снова заглянула стриженная голова. И тонкий голосок, заикаясь, повторил:

— Вв-вас директор зз-зовет!

Завуч не услышала голоса и не увидела стриженной головы. Она как бы покинула класс и перенеслась в далекое тяжелое время, когда взрывались эшелоны врага, а тринадцатилетние девочки погибали наравне с взрослыми бойцами.

Девочка тоже не заметила посланца директора. Она продолжала отвечать на трудный вопрос:

— Вы не пришли, потому что были ранены. Раненые не могут ходить... Вы были ранены...

Антонина Ивановна молчала. Тогда девочка дотронулась до руки учительницы.

— Вы же были... были!..

Девочке казалось, что завуч никак не может вспомнить, была ли она ранена накануне того дня, когда схватили Лиду. Силится и никак не может вспомнить. И, чтобы помочь ей, девочка спросила:

— У вас болит плечо?

Антонина Ивановна как-то механически погладила левое плечо правой рукой.

— Болит временами, по погоде...

— Вот видите, болит по погоде! — обрадовалась черноголовая:

наконец-то ей удалось убедить Антонину Ивановну, что она была ранена.

— Теперь, когда заболит старая рана, вспоминаешь не о войне, а о поликлинике, — рассеянно сказала учительница.

А девочка уже двигалась дальше:

— Когда Лиду вели на расстрел, она крикнула: «Передайте маме, что меня ведут на расстрел!»

Эти слова так непривычно прозвучали в пустом классе, что Антонине Ивановне показалось, будто она слышит голос своей маленькой боевой подружки — пионерки Лиды Демеш. И сама Лида стоит рядом: беленькое лицо, ровные низкие брови, внимательные серые глаза, глядящие чуть исподлобья...

Голос, удивительно похожий на Лидии, произнес:

— Мне пора на кружок... Я хожу в танцевальный...

«Лида тоже ходила в танцевальный» — подумала бывшая партизанка Тоня Кулакова.

Дверь тихо затворилась. И девочка, которая когда рисует, облизывает кисточку, ушла, а учительнице показалось, что ушла Лида.

Лида Демеш... И Антонина Ивановна все не решалась поднять глаза, чтобы не обнаружить, что Лиды нет рядом. Антонина Ивановна продолжала оставаться в том трудном и бесконечно дорогом времени, куда ее неожиданно привела черноголовая девочка и откуда, заглушая все звуки жизни, долетели слова: «Передайте маме, что меня ведут на расстрел!»

От автора В этом рассказе очень мало вымышленного. И все, что связано с маленькой пионеркой — героиней Лидией Демеш, — правда.

Лиде Демеш было всего тринадцать лет, когда она была активным бойцом Оршанского подполья. Пусть этот рассказ напоминает о Лиде тем, кто ее забыл, и познакомит с ней тех, кто ее не знал.

